

Марцинковская Т.Д. Человек в пространстве культуры: миропроjekt С.Л.Рубинштейна

English version: [Martsinkovskaya T.D. A man in space of culture: S.L.Rubinstein's image of the world](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Рассматривается динамика научных взглядов С.Л.Рубинштейна, анализируется специфика его подхода к проблемам детерминизма и сознания, а также к вопросу о внутреннем мире личности, миропроjekte, создаваемом человеком в процессе своей самореализации.

Ключевые слова: детерминизм, образ мира, психология личности, миропроjekt, научная школа, Рубинштейн С.Л.

Имя Сергея Леонидовича Рубинштейна – одно из тех знаковых имен, которые во многом определяют суть отечественной психологической науки. Существуют и устойчивые стереотипы в восприятии его теории, его деятельности, его вклада в создание современной психологии. Однако сейчас, когда разрушаются многие схемы, появляются новые факты и новые имена, постепенно проявляется истинная картина сложного пути становления российской психологии, возможен и более полный и адекватный подход к творчеству Рубинштейна, его поисков, его достижений и ошибок, которые связаны и с особенностями того сложного времени, в котором ему выпало творить, и с его личными качествами, его когнитивным стилем. Эти заметки, не претендуя на анализ научной деятельности Рубинштейна, представляют скорее наброски мыслей, навеянных его работами и размышлениями о нем в канун его юбилея.

В работах Рубинштейна обращает на себя внимание, прежде всего, нетрадиционная для советской психологии исследовательская позиция – позиция философа, рассматривающего с точки зрения методологии эмпирику психологической науки, пытающегося частично систематизировать и объяснить этот эмпирический хаос. Этим он и отличается от большинства современных ему психологов, в первую очередь обращенных к проблемам экспериментального исследования психики. Поэтому в центре его концепции, как правило, оказываются прежде всего проблемы гносеологии, познания мира. В этом позиция Рубинштейна сближается с позициями психологов начала XX века – Лопатина, Троицкого, Грота, Шпета, у которых также главными оставались философские проблемы бытия и свободы человеческой личности. Как и их, Рубинштейна волнует проблема метода и объективности психологических фактов, места психологии в системе научного знания.

Он – философ, волею судеб ставший марксистским психологом, со всей научной скрупулезностью и ответственностью стремится соединить психологию с марксизмом. И поэтому особенно важными представляются честные и с научной, и с человеческой точки зрения попытки Рубинштейна выстроить не просто философскую методологию, но диалектико-материалистическую. Это часто не удается, тем более что и по стилю мышления, и по научной школе (он вышел из немецкой философской школы) догматическая материалистическая позиция не близка ученому. Здесь коренятся истоки трагедии Рубинштейна, творчество которого было ограничено четкими и жесткими социально заданными рамками. Однако и в этих условиях мужество и талант ученого помогли Рубинштейну найти себя, выработать собственную точку зрения на психологическую проблематику.

На первый план выходит для Рубинштейна проблема детерминизма, посредством которой он и старается соединить и объяснить многие части своей психологической системы. Детерминизм, являясь близким и значимым для самого ученого принципом, дает возможность соединить с

материализмом и такие важные для него вопросы, как взаимосвязь свободы и необходимости, причины активности человека и, наконец, проблемы этики и личностного развития.

Рубинштейн выступает против традиционного в психологии постулирования проблемы поведения как проблемы свободы воли, справедливо полагая, что таким образом отпадает возможность детерминации свободного поведения человека. Он подчеркивает, что истинно материалистическое понимание свободы – это свобода деятельности субъекта в определенных условиях. Свободное поведение детерминировано деятельностью и обстоятельствами, но предполагает собственную разумную активность человека, исходящего в своем поведении из рациональной оценки данных условий. То есть это свобода для каких-то действий, а не просто свобода от необходимости подчиняться объективным условиям и закономерностям мира.

Таким образом, свобода Рубинштейна – это, в терминологии Э.Фромма, «свобода для» (в противовес «свободе от»), которая не освобождает человека от зависимости от других людей, от «укорененности». Интересно, что выход из этой дилеммы «укорененность-независимость» Фромм предлагает в гуманистическом отношении людей друг к другу, в любви, аналогично тому, что предлагает и Рубинштейн, говоря о том, что истинно этическое и нравственное отношение личности проявляется в любви к окружающим людям. Конечно, любые аналогии всегда условны, как условна и данная аналогия «Фромм – Рубинштейн», но некоторые вещи в этих поисках кажутся закономерными, если вспомнить о том, что и Рубинштейн, и Фромм старались «психологизировать» теорию Маркса. При этом главным образом речь шла о необходимости объяснить психологическими категориями феномен отчуждения Маркса, ибо оба психолога приходили к убеждению, что отчуждение – это не только экономическая категория (как у Маркса), но и психологическая, так как происходит не только отчуждение человека от продукта собственного труда, но и людей друг от друга. С точки зрения Рубинштейна, социальные и экономические условия – это та самая детерминация, которая и является необходимостью и противопоставляется свободной воле человека, стремящегося к свободе от отчуждения, к дружбе, любви и общению с окружающими. Хотелось бы подчеркнуть и то, что Рубинштейн смог прийти к этим идеям, несмотря на жесточайшую цензуру мысли, стереотипы и догмы в восприятии и интерпретации идей Маркса и Энгельса.

Выход за пределы жестких рамок марксистской психологии Рубинштейн нашел в поисках ответа на вопрос о том, что же такое личность с психологической точки зрения. Он одним из первых в советской, марксистской психологии начал говорить о проблеме личности.

Путь к исследованию целостной личности, как всегда, Рубинштейн видит в изучении деятельности. В данном случае – в исследовании творческой деятельности личности. Преодолевая разрыв между субъективным и объективным, Рубинштейн подчеркивает, что объективность не в том, что личное знание является одинаковым для всех (это и невозможно, оно по природе своей субъективно), но в том, что это знание представляет собой завершенное целое, и в этой завершенности и целостности и проявляется его объективность. Проводя параллель с дискуссией о первичных и вторичных качествах предмета, можно сказать, что Лейбниц завершил спор об объективности знания, доказав, что субъективность не противоречит истинности, так как все наши идеи связаны с истиной по принципу взаимно-однозначного соответствия и любое человеческое знание субъективно в силу активности познающего субъекта. Рубинштейн, как бы подхватывая эту аналогию, говорит об объективности внутреннего мира личности, его духовного строя, связывая это также с активной деятельностью человека, но уже не столько познающего, сколько творящего этот мир. И чем полнее и совершеннее это творение, тем более оно объективно и тем больше оно влияет на окружающий мир, в том числе и на других людей.

Исходя из этого, понятной становится и идея Рубинштейна о том, что формирование личности и развитие самосознания человека – это процесс онтологический, а не одномоментный, так как человек, саморефлексируя, в течение длительного времени познает свои различные качества и свойства, мотивы и стремления. Его жизненный путь помогает ему в самопостижении именно себя, своего «образа Я», а не содержания своего сознания и своих знаний и умений. Так преодолевается противоречие между бытием и сознанием, между внешним и внутренним в человеке, так как, постигая себя, человек творит себя и свою жизнь, а сотворенный им жизненный путь определяет и его дальнейшее познание себя, и его дальнейшее бытие. Понимая себя, человек лучше и реализует себя в деятельности, в своем бытии, которое полнее отражает его сущность.

Так Рубинштейн, через полемику с Хайдеггером, приходит в то же время к важным именно для экзистенциализма идеям о реализации в жизни заложенного в человеке «проекта». Однако этот проект понимается не как нематериальная и неподдающаяся анализу экзистенция, но скорее как самоактуализация себя в своем бытии. Именно это бытие и является детерминантой, которая дает возможность Рубинштейну примирить экзистенциальные понятия внутренней сущности личности с детерминированностью материализма. Уже в первых работах ясно просматривается и та роль, которую ученый отводил искусству в процессе построения человеком его личностного пространства именно как пространства обретения себя, пространства для саморазвития и самосовершенствования. Он писал, что «человек не только видит, но и смотрит, не только слышит, но и слушает, а иногда не только смотрит, но и рассматривает или всматривается, не только слушает, но и прислушивается [Рубинштейн, 1989, с. 266]. Таким образом, создается мир, имеющий конкретное значение для конкретного человека, с его способностями, опытом, сферой деятельности.

Важным моментом в создании личностного пространства становится переживание, которое, как подчеркивал Рубинштейн, дает возможность моделировать границы пространства и соотношение предметов в нем. Это связано с тем, что с изменением отношения человека к вещам изменяется и их восприятие. Рубинштейн определял переживание, в специфическом смысле этого слова, как душевное неповторимое событие в духовной жизни личности, подчеркивая его укорененность в индивидуальной истории жизни человека. Он писал, что узловые моменты в жизненном пути человека, основные события, которые превращаются для него в переживания и оказываются решающими в истории формирования личности, всегда эмоциональны [Рубинштейн, 1989]. Важным моментом является тот факт, что он рассматривает переживания как особый специфический аспект сознания, который всегда дан во взаимопроникновении и единстве с другим моментом – знанием. Поэтому сознание индивида – это единство переживания и знания. Исходя из этого, можно говорить о том, что в концепции Рубинштейна содержались, хотя и не развернутые до конца, идеи о механизме интериоризации внешнего мира во внутренний, его превращения именно в пространство личности.

Вопросы механизма и содержания личностного пространства с неизбежностью ставят на повестку исследований проблему детерминации этого процесса. С точки зрения Рубинштейна, существовать – значит быть детерминированным, однако само существование понималось им как участие в процессе жизни, существовать – значит действовать и переживать. Существование, таким образом, неразрывно связано с детерминацией как процессом, а сама детерминация связывается со свободой воли, так как вопрос о детерминированности психических явлений непосредственно соотносится с вопросом об их управляемости [Рубинштейн, 1957, с. 229]. Объясняя связь бытия с возможностью свободы воли, свободы выбора, ученый писал, что «понятие наличного бытия человека (Dasein, Existenz) в каждый данный момент его жизни может быть определено, понято только через его отношение ко всему сущему. Из отношения человека к миру и к человечеству вытекает и его отношение к жизни и смерти, к прошлому и будущему.

Важным моментом является тот факт, что вопрос о детерминации и свободе связывался Рубинштейном с вопросом существования в разных уровнях бытия, предполагающего, соответственно, и разные уровни его осознания. При этом детерминация имеет свою качественную специфику применительно к разным уровням бытия.

Таким образом, вопрос о становлении бытия – это в основном вопрос о становлении новых уровней бытия, новых способов существования, каждый из которых характеризуется по-разному в пространстве, во времени и т.д.

В своей итоговой работе «Человек и мир» Рубинштейн выделял два вида бытия, два основных способа существования человека и его отношения к жизни. Первый – «жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек, здесь человек весь внутри жизни» [Рубинштейн, 1973]. Главной особенностью такого бытия является невозможность рефлексии отношений внутри того пространства, в котором находится человек, невозможность осознания отношения не к отдельным явлениям, но к жизни в целом. Это объясняется тем, что человек не выключается из жизни, не может занять мысленно позицию вне ее для рефлексии над ней.

Второй способ существования связан с появлением рефлексии, которая как бы «приостанавливает,

прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы... Это решающий, поворотный момент». С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни. Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней [Рубинштейн, 1973].

Особенно интересен здесь тот факт, что эти уровни бытия связываются Рубинштейном с рефлексией этого бытия, осознанием его особенностей для данного человека. В этом плане тезис «внешнее через внутреннее» наполняется новым содержанием, непосредственно близким по духу к работам экзистенциалистов, которые подчеркивали важность обретения смысла жизни и осознания своего бытия для обретения свободы. Свободы, добавим вслед за Рубинштейном, не только для осуществления своего предназначения, «миропроекта», но и для построения его, причем не как бытия вообще или бытия для всех, но как личного бытия, личного пространства, соединяющего, объединяющего внутренний мир человека с той областью внешнего мира, с которой он взаимодействует.

При этом встает проблема выбора определенной сферы этого внешнего пространства, его переконструирования и переосмысления и включения во внутреннее пространство личности. Мир, разные виды бытия, воздействует на внутренние условия человека (его самость), вызывая определенную картину, выстраивая пространство уже личностное, субъективное, пространство субъекта, в котором отображено, как он видит, слышит, вслушивается и всматривается в этот мир. В этом личном пространстве соединено и природное и искусственное, культурное, переконструированное под воздействием интенций человека (его внутренних условий). И в этом пространстве бытия, которое для субъекта уже реальность и которое отгорожено границами (сознательными и неосознанными) от действительного, общего для всех пространства, человек еще сознательно строит свое пространство самореализации, в котором выражаются его интенции языком искусства, науки, и т.д., то есть языком присущего ему творчества. И здесь, в процессе конструирования личного пространства, помимо рефлексии, огромную роль Рубинштейн отводит, в традициях отечественной гуманитарной науки, культуре.

Как и многие ученые начала XX века, он рассматривал культуру как одну из важнейших образующих личности, субъекта, как сферу наиболее полной и адекватной самореализации человека. Именно пространство культуры стало для него одним из важнейших пространств саморазвития человека. При этом необходимо отметить, что для Рубинштейна характерен абсолютно оригинальный подход к рассмотрению культуры и ее роли в психическом становлении человека, что показывает даже беглое сравнение его концепции с ведущими отечественными теориями.

Весь оппонентный круг, этот океан культуры, вошел в той или иной форме в концепцию Рубинштейна. Но для Соловьева главным был процесс постепенного высветления, самосовершенствования человека, ведущую роль в котором играла культура, для Лопатина и Бердяева – влияние культуры на развитие этики. Бахтин рассматривал культуру как средство, основу для диалога человека с собой, другими, миром в целом. Для Шпета ведущим был герменевтический параметр культуры, язык, с помощью которого человек интерпретирует мир, осознает себя и окружающее бытие. Выготский рассматривал культуру как инструмент для обретения произвольности, возможности воздействия на других и на себя, в том числе и в преодолении своих дефектов и ограничений.

В отличие от них Рубинштейн рассматривал культуру как средство построения внутреннего мира, который в какой-то степени являлся пространством, дающим возможность не только развития, но и сохранения своей самости, укрытия от внешнего мира. Возможно, здесь, помимо оппонентного круга, от которого отталкивался Рубинштейн в своем понимании культуры в первую очередь как искусства, сыграли роль и социальная апперцепция, факты его личной жизни, постоянно ставящей перед ним задачу выстраивания своего личного пространства именно как убежища от давления окружающих.

Еще одним важным отличием было жесткое разделение понятий «культура» и «язык», которое отчетливо просматривается во всех работах Рубинштейна, что, по-видимому, связано с тем, что для него в культуре, как ни парадоксально, ведущим аспектом является не наука, а искусство. При этом в его концепции воздействие культуры – природы – искусства не разделяется и происходит

непосредственно. То есть это не опосредование природного бытия культурным, которое дает возможность человеку встать на новую ступень, новый уровень развития, но непосредственное впитывание, восприятие всех воздействий внешнего мира, которые, переживаясь субъектом, дают пищу для становления мира внутреннего. В свою очередь этот внутренний мир, стремления и опыт человека, помогают ему непосредственно, чувственно выделять во внешнем мире именно те его элементы, которые созвучны миру внутреннему.

Рубинштейн писал о том, что природа, музыка, вселенная, соединяясь в круговороте стихии, создают гармонию. И эта гармония непосредственно входит в сознание человека именно тогда, когда его чувства открыты навстречу миру, так как наиболее полное постижение бытия – через чувственность [Рубинштейн, 1973]. Истинные свойства предметов бытия часто заслонены для человека, так как он воспринимает их опосредованно, как инструменты для чего-то, стремясь использовать их для своих нужд. Поэтому «задача искусства: демаскировать свойства предмета – его цвет, форму и т.д., заторможенные функциональными, сигнальными свойствами, практикой, растормозить всю полноту чувственных свойств предмета... Внутреннее содержание красоты зависит от содержания объекта, но здесь существенна и способность мастера сделать чувственный облик изображаемого предмета адекватным его внутреннему содержанию» [Рубинштейн, 1973].

Таким образом, для Рубинштейна культура становится не только и не столько образующей самосознания субъекта, сколько образующей его личностного пространства, индивидуализации этого пространства через искусство, которое воспринимается человеком и, в свою очередь, перерабатывается им и воспроизводится в новом ракурсе, в новой креативной картине, образуя взаимосвязь восприятия и творчества. Это пространство можно условно назвать экзистенцией (от экзистенция, самость), так как в понимании онтологичности и сложности процесса формирования этого пространства Рубинштейн следует как за западной, экзистенциальной традицией, так и за традицией отечественной науки, точнее, работами В.С.Соловьева и В.И.Вернадского.

Экзистенциалисты подчеркивали невозможность разделения субъекта и объекта, пространства внутреннего и внешнего, так как они слиты в человеке, который должен быть органичен, и в то же время вставать над бытием в своем осознании этого бытия. Рубинштейн в своих рассуждениях идет дальше, говоря о том, что человек, в процессе познания опираясь на созданные культурой и зафиксированные искусством знания, создает свой индивидуальный мир, который соединяет мир внутренний и мир внешний в своеобразное пространство личности – в экзистенцию.

Идея В.И.Вернадского о биосфере и ноосфере, как и мысли Рубинштейна о личностном пространстве, соединяющем внешнее и внутреннее, являются в определенном смысле следствием концепции Соловьева о разных уровнях бытия. У Рубинштейна, как у Соловьева и Вернадского, через человека проходит вектор развития, совершенствования бытия. Однако в отличие от Соловьева, который пальму первенства отдавал нравственному развитию, и Вернадского, который говорит в первую очередь о разуме, знаниях человека, у Рубинштейна человек не только творец нравственности и науки, но и творец нового пространства, соединяющего в гармонии природное, культурное и индивидуальное бытие в личностное пространство, в экзистенциальную сферу. Это новое пространство было не только созвучно индивидуальности человека, его творческой природе, но и открывало перед ним возможности самореализации. Поэтому уже в творчестве, в активной деятельности субъекта происходит новое объединение разных пространств бытия. Это, по мнению Рубинштейна, давало возможность осуществлению детерминации и, одновременно, сохраняло свободу воли, свободу выбора человека.

Творчество, объективизируя внутренний мир, в то же время и изменяет его в соответствии с требованиями этики, морали, которые, интериоризуясь в процессе жизни, превращаются в личные мотивы. При этом любовь к другим помогает человеку присвоить этические нормы, а искусство раскрывает предметный мир, делая его личным и понятным, но в то же время открывая человека тем законам, которые есть в этом мире. Это сближает позицию Рубинштейна и с позицией Шпета, который писал о том, что именно «в искусстве воссоздается то, что потеряно в борьбе за предмет, – исконное единство и общность нашего культурного бытия», а восприятие искусства дает возможность формирования культурного самосознания, то есть формирует культурную идентичность личности.

Рубинштейн писал, что в любви человек открывает себя и, вкладывая себя в других, становится

источником света и тепла для другого человека. Поэтому только другой и делает его личностью, помогая осознать возможность своего бессмертия и продолжения в других людях. Так и труды самого Рубинштейна остаются для нас источником света и познания, являясь продолжением его личности и объективируя ее в завершенности его творчества.

Литература

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1, 486 с.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 328 с.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 255–382.

Поступила в редакцию 18 июля 2009 г. Дата публикации: 25 октября 2009 г.

[Сведения об авторе](#)

Марцинковская Татьяна Давидовна. Доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: marsinkovskaya@psystudy.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Марцинковская Т.Д. Человек в пространстве культуры: миропроjekt С.Л.Рубинштейна [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.20гг).

[К началу страницы >>](#)